

ЮРИЙ БАШМЕТ:

Куклыра -

Мы все у него

- 1994 -

- 72 ВГ -

в неоплатном долгу

- с. 1

За то, что Святослав Рихтер сделал для истории нашего века, для нас, ныне живущих, и следующих поколений, мы перед ним в огромном, неоплатном долгу.

Нет слов, способных выразить горе. Разве что музыка могла бы — музыка, ради которой он жил и которой поклонялся. Рихтер всегда был, есть и будет маяком для всех поколений музыкантов. Много секретов существует в его творчестве. Никто не знает, откуда бралась его титаническая работоспособность, как смог он еще в детстве, не получив школы, "наработать" феноменальную виртуозность. А его поразительная музыкальная память!

Мы с ним много гастролировали вдвоем, ездили по Европе. Как мне показалось, одна из особенностей рихтеровской "кухни" — его "спокойное" отношение к самому роялю, как это ни парадоксально звучит. Он был как-то выше этого, что ли. Его мастерство как бы уже не зависело от качества инструмента. Однажды на гастролях я удивился, что он совершенно не оставляет времени на то, чтобы проверить рояль. И когда за несколько минут до выступления посоветовал ему попробовать хоть одну нотку, маэстро, не говоря ни слова, вышел на сцену, зацепил одну клавишу и, не останавливаясь, столь же спокойно вернулся в артистическую. Зато это его свойство давало ему возможность "беспрепятственно" выезжать в самые дальние точки Сибири, Казахстана, Дальнего Востока, Средней Азии... Он мирился с любыми инструментами, лишь бы доставить людям радость.

Когда у меня умерла мама, я очень часто сопоставлял какие-то свои поступки с тем, как она могла бы их оценить. Мысленно входить в контакт с человеком, которого ты любишь и который любил тебя, оказалось несложно. Схожие ощущения у меня и

сейчас по отношению к Рихтеру. Они возникали и раньше, еще при жизни маэстро, потому что последние годы я не так часто мог с ним общаться. Хотя мы даже сделали совместные записи — это самые ценные реликвии для меня. А так — я мысленно обращался к нему за помощью, за советом. И, казалось мне, всегда их получал.

Когда в день смерти маэстро мы с моим ансамблем сыграли в Патриарших палатах Кремля программу, которую посвятили его памяти, первой мыслью было "А как бы оценил ее Рихтер?.."

Ощущение такое, что все рухнуло. Я в последнее время часто думал: не дай Бог, будет война, что после нее останется? Или — близится новый век, и с уходом старого перечеркнется целая эпоха. А фактически это сейчас и произошло: кончина Святослава Рихтера — не только потеря Художника века, это уход целой эпохи.

Я встречался со Святославом Теофиловичем почти сразу после его возвращения в Москву. На даче, на Николиной горе. Меня порадовало, что он начал заниматься. Выглядел слабеньким, но бодрым, а на следующий день мы на машине объездили несколько храмов неподалеку от Николиной горы. Он всем интересовался, много расспрашивал и много рассказывал. Радовался возвращению в Москву — ему очень понравилось, как его встретили. Мы прощались с тем, чтобы встретиться в августе, и он даже дал согласие участвовать в моем фестивале. Живым я его больше не застал. Сразу, как узнал, помчался к Нине Львовне Дорлиак — его ангелу-хранителю на протяжении всей жизни.

Его самого увидел спокойного, красивого, как будто спящего. Может быть, так оно и есть: он успокоился и спит. Последнее слово его было — "устал". ●

